

Саодат КАМИЛОВА

доцент

кандидат филологических наук
Национальный университет Узбекистана

ksaodate@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.

Мақолада ҳозирги ўзбек адабиётнинг концепцияси кўрсатилган. Ҳозирги узбек насрда бадий метод синтези, стилистик усулларнинг ўзгариши, жанрий трансформациялар ва постмодернистик усуллар ҳосиллигини акс эттириши таҳлил қилинган. Ўзбек адабиёти босиб ўтган мураккаб ва индивидуал тараққиёт йўлини уч даврга бўлиниши кўрсатилиб (ўтиш, мўлжаллар ўзгаришининг таҳлили ва “верданди” даври), уларнинг пайдо бўлган омиллари ҳам алоҳида белгиланган.

В статье представлена авторская версия концепции современного литературного процесса в Узбекистане. Представлены характерные особенности литературы: синтез художественных методов, стилистических приемов и жанровая трансформация, своеобразие использования постмодернистской техники письма. Выделяются три периода в развитии современного узбекского литературного процесса (переходный, переориентационно-аналитический, период «верданди»), а также факторы, обусловившие их появление.

The article attempts to establish the concept of the literary process in the end of XX – beginning of XXI century. In prose allocated the main stylistic and genre transformations and synthesis of art methods. They distinguish three periods (transitive, reorientally - analytical, «verdandi») and elements caused their derivation in the development of modern Uzbek literary process)

Калит сўзлар: концепция, босқич, адабиётнинг ўрни, жанр, реализм, модернизм, постмодернизм.

Ключевые слова: концепция, периоды, литературоцентризм, жанр, реализм, модернизм, постмодернизм.

Key words: concept, periods, literature-centrism, genre, realism, modernism, postmodernism.

Ўзбекская литература рубежа XX – XXI веков также отражает изменение социально-политической и культурной атмосферы данной эпохи. Попытки осмысления конверсии литературного развития в Узбекистане предпринималась

отечественными критиками и учеными. Об этом свидетельствует развернувшаяся на страницах передового литературно-художественного общественно-политического журнала «Шарқ Юлдузи» дискуссия о современном литературном процессе (5), а также ряд статей в журналах «Ёшлик», «Тафаккур», «Гулистон», «Ўзбек тили ва адабиёти», газете «Китоб дунёси» и других. В узбекской литературной критике также нет единого мнения о попытках самоорганизации литературы. Так, парадигма Х. Каримова (2, с.142–149) основана на теории отражения и роли категории сознания в развитии общественно-культурной и литературной мысли. Исследователь, исходя из жанрового принципа деления прозы, выделяет основные линии развития повествовательной манеры письма (здесь и далее цитируется в нашем переводе. – С.К.):

- 1) расширение идейно-тематического поля литературы;
- 2) усиление внимания к социальным, нравственным, духовным, семейным вопросам;
- 3) углубление гуманистического содержания и психологизма;
- 4) обращение к вопросам ментальности и самоидентификации узбекского народа;
- 5) философский поиск смысла жизни.

Все эти линии, по мнению Х. Каримова, базируются на двух типах письма: реалистической и модернистской. Причем, литературовед утверждает, что модернистский принцип отражения действительности является качественно новым для узбекской литературы. Ученый видит в этом как объективную причину – «в условиях тоталитаризма использование данной эстетики было невозможным», так и субъективную причину – «в литературе еще не появились художники, способные в полной мере вобрать все принципы и приемы модернизма». Наиболее удачные эксперименты современных художников слова Х. Каримов видит в использовании символизации и метафоризации. Помимо этого, он констатирует появление «детективной линии» в узбекской литературе, что также является новационным для узбекской литературы. Реалистическая форма письма в современной узбекской литературе характеризуется, по его мнению, активным развитием исторической прозы и концептуальной, а модернистские тенденции проявляются в произведениях с философским, идейно-нравственным, мифологическим типами проблематик. Литературовед приходит к выводу, что для «современной узбекской литературы характерен плюрализм авторских концепций мировидения, появление новых форм постижения действительности и переосмысление в сторону ментальных ориентиров национальных образов».

Й. Солижонов (4, с. 147–157) также выстраивает свою концепцию современного литературного процесса, основываясь на жанровом делении литературы. Ученый утверждает, что современная узбекская литература, «...приумножая традиции литератур Востока, начала осваивать тенденции мировой литературы» (здесь и далее цитируется по данному источнику в нашем переводе. – С.К.). Причем литературовед отмечает, что мировые литературные традиции еще не стали прочным фундаментом в построении узбекских художественных произведений. При этом, он акцентирует внимание на том, что под влиянием быстрорастущего общественно-политического и экономического мировоззрения формируется литературно-художественное сознание, тяготеющее в сторону усложнения. Выделяется приоритетная проблематика в творчестве ряда прозаиков: «судьба человека в условиях рынка» с главным героем, который или успешно приспособился к рыночным отношениям, или превратился в «бракованную» личность. «Писатели, – по словам Й. Солижонова, – каждый по-своему раскрывает трагедию одиночества».

Выстраивая ряд писателей (Тохир Малик, Хуршид Дустмухаммад, Улугбек Хамдам, Тилаволди Жураев, Саломат Вафо, Зульфия Куролбой кизи и др.) по данному признаку, ученый выделяет ряд новационных для узбекской литературы тенденций в создании современных художественных произведений:

- 1) отказ от дидактизма и менторства;
- 2) изменение роли женщины в современном обществе, разработка рефлексирующих образов женщин, находящихся в ситуации выбора;
- 3) симбиоз социокультурный и идейно-нравственный типов проблематик;
- 4) попытка осмысления исторического пути узбекского народа в эпоху социализма;
- 5) тяготение к динамическим сюжетам (как негативная тенденция, породившая «рыночных писателей и рыночную литературу»);
- 6) склонность к публицистичности и описательности.

Эти две точки зрения на современный узбекский литературный процесс, конечно же, не могут претендовать на полноту охвата, но выхваченные тенденции и новации в развитии современной литературы указывают на эволюционирующий характер литературного поля узбекской словесности.

Наиболее обстоятельную концепцию выдвинула Г. Гарипова, которая отмечает, что в Узбекистане наблюдается «...во всех сферах развития культуры усиление интереса к национальной истории и традициям, поиски истоков национального мировидения». Приоритетным направлением с 80-х годов XX века литературовед считает «...создание художественных произведений с ярко выраженной национальной ментальностью»(1).

Литературный процесс XXI века Г. Гарипова рассматривает «...как новый этап в последовательном движении и развитии литературного процесса, охватывающего весь период национальной литературной истории». Причем, тут же противоречит себе, утверждая, что на рубеже XX–XXI вв. «...была преодолена разорванность (обозначенная в литературном процессе «советским» периодом 20-х – конца 80-х) национальной художественности XX века с традициями классической литературы, узбекского художественного «новаторства» начала столетия (...) и с мировыми художественными тенденциями и практиками»(1).

Исследователь выделяет следующие тенденции развития узбекского литературного процесса конца XX– начала XXI века:

1) слияние реалистической и модернистской поэтик в единое художественное поле;

2) сдвиг с социальной-личностной проблематики в сторону личностно-бытийной;

3) использование символики, создавшей новую неомифологическую практику письма, основанную на восточной ментальности и национальной традиционности (зороастрийской образности, суфийской философии, джадидской историософской концепции);

4) тяготение к тенденциям «магического реализма»;

5) создание произведений с синтетической картиной реальной действительности и «...некой «вкрапленной» в качестве внесюжетных элементов религиозно-мифологической модели сотворения «вечного» мира», а также произведения с линией синтеза разного рода мифоструктур (притчи, легенды, сказы) в тексте без сюжетного разграничения реальности и мифопространства.

б) тенденция углубленной метафоризации, породившей «...особого рода аналитический психологизм».

В качестве вывода Г. Гарипова постулирует две идеи – «узбекские художники слова в свои произведения ввели элементы модернизма и неореализма»; «одной из доминантных линий развития литературного процесса является реализм». Помимо этого, русскоязычную литературу Узбекистана, литературовед выделяет как самостоятельную литературную школу, работающую в «неореалистической традиции, балансирующей на грани реализма и модернизма». Особенностью русскоязычной литературы Узбекистана, Г. Гарипова справедливо считает «...симбиоз восточной ментальности, русского культурного сознания (зафиксированного в первую очередь через язык) и западноевропейской художественной и философской традиции»(1).

Нам представляется несколько другое видение развития узбекской литературы рубежа XX–XXI веков. С обретением независимости Узбекистан выбрал собственный путь социально-экономического, политического, культурного развития, нравственно-идеологических и культурных ориентиров. Этим обусловлено появление разнообразных идейно-эстетических тенденций в современном литературном процессе, выражающихся как в обновлении стиля, жанров, изобразительно-выразительных средств, способных релевантно изобразить явления современной действительности, так и в поиске этико-идеологической опоры в героическом прошлом узбекского народа.

Узбекская литература на современном этапе проходит сложный и индивидуальный путь развития, в котором, думается, можно выделить три периода:

1. «Переходный» период (конец 80-х – 90-е годы XX века). Данный период обусловлен рядом факторов:

– уничтожение «белых пятен» в истории узбекской литературы в связи с восстановлением классического наследия (литературы XII–XIX веков), публикацией произведений некогда запрещенных писателей (Чулпан, Фитрат, Бехбуди, А. Кадыри, представителей джадидской литературы и т.д.);

– возросший интерес к религии, вызванный процессом осмысления ценностей суфийской, духовно-проповеднической литературы (публикация произведений Югнаки, Баласагуни, Яссави, М. Кашгари и др.);

– реабилитация объективной истории узбекского народа и освещение ее в текстах историко-биографического жанра (создания целого цикла произведений об Амине Темуре, Мангуберды, А. Навои, Бобуре и др.);

– снижение интереса к традициям русской классической литературы, увлечение искусством Средиземноморья и Америки (в частности, интерес русскоязычных поэтов и писателей к творчеству Эудженио Монтале, Сальваторе Квазимодо, Камилло Хосе Села, Г. Маркеса и др.)

– преодоление «идеологического вакуума» и определение собственной национальной идеи в узбекской культуре и литературе.

«Переходный» характер узбекской литературы выражается в появлении большого пласта произведений с ярко выраженным патриотическим пафосом (в частности, поэзия А. Арипова, Э.Вахидова, Г. Джураевой, произведения «Она тупроқ» («Мать-земля») Б. Даминова, «Боғ кўчамни кўмсайман» Н. Кабула, «Навруз, Навруз» Ш.Холмирзаева и др.) и созданием целой галереи национальных образов – исторических личностей и героев узбекского фольклора. Таковы «Ибн Сина», «Беруни» М. Кариева, «Сарбадорлар» («Сарбадары») М. Али, «Яссавийнинг сўнги сафари» С. Сиёева, «Махмуд Тараби» А. Дильмурата и др. В

этом есть своя логика: нашему народу важно было понять себя, осознать свою уникальность и неповторимость, найти источники для вдохновения в строительстве самостоятельной жизни. Хотелось бы отметить, что в этот период деятели слова избежали размежевания, несмотря на разновекторность литературных позиций. Помимо этого, появляются произведения, переосмысливающие советское прошлое, последствия «культы личности», политических репрессий, результаты манкирования национальных традиций и обычаев. Так, «хлопковому делу» посвящен роман А. Якубова «Адолат манзили» («Прибежище справедливости»), о драме Аральского моря повествует его роман «Оқ кушлар, оппоқ кушлар» («Белые, белые лебеди»); о трагической судьбе человека, верившего в идеалы коммунизма, – «Уруш одамлари» («Люди войны»), «Маймун етаклаган одам» («Человек, ведущий обезьяну») Н. Эшонкула, о сталинских репрессиях – «Музқаймоқ» («Мороженое») А. Якубова, «Мурдалар гапирмайдилар» («Мертвые не говорят») Т. Малика; в романе Т. Мурада «Отамдан колган далалар» («Поля, оставленные отцом») переосмыслена судьба трех поколений узбеков. В произведениях данного типа преобладает критический пафос, глубокое осмысление национальной проблематики.

Художественному освоению современной действительности посвящен целый пласт текстов узбекской литературы, иллюстрирующий новшества в жизни Узбекистана, как позитивные, так и негативные. К числу первых относятся появление гражданских свобод и свободы совести, переход к поэтапному реформированию, образование в стране демократических институтов, культивирование национальных культурных ценностей. Негативно оцениваются художниками слова «лжепредприниматели», вульгарное понимание рыночных отношений, идеология «купи-продай», межнациональные конфликты, бездуховность и т.д. Всем этим вопросам посвящены «Жимжитхонага йўл» («Дорога в комнату тишины»), «Махзуна» Х. Дустмухаммада, «Мувозанат» («Равновесие»), «Исён ва итоат» («Бунт и смирение») У. Хамдама, рассказы Н. Эшонкула, А. Юлдашева и др.

Для данного этапа характерно использование реалистической манеры письма; изменение восприятия пространства и времени, повлекшее за собой смену картин мира; выход на первый план образов исторических личностей и переосмысление исторического прошлого; имманентные поиски в художественном творчестве; отказ от дидактизма.

2. «Переориентационно-аналитический период (1990–2000 гг.). В этот период узбекская литература оказалась в ситуации, которая определяется такими полярными понятиями, как национальная самобытность – глобализация, эстетическая ценность – рыночная экономика. Это существенным образом

повлияло на картину литературного поля. Узбекские писатели стали искать новые формы отражения современности, пытаюсь философски осмыслить наше бытие. Наблюдается расслоение литературы на сегменты по эстетическому принципу и формальным экспериментам. Так, наряду с произведениями, созданными в духе традиционного реализма, в которых налицо активное освоение существующей действительности с преломлением восточных классических традиций, устного народного творчества и художественной практики поколения «шестидесятников», можно констатировать появление модернистских тенденций в творчестве ряда писателей. На эту особенность узбекской литературы в свое время обратили внимание отечественные литературоведы и критики (6). В частности, литературовед Ш. Дониёрова справедливо указывает на то, что «в годы Независимости в связи с изменением отношения к жизни, к человеческой личности в литературе намечается появление модернистских черт в произведениях традиционного реализма. Эту особенность можно проследить в рассказах и повестях Ш. Холмирзаева, М. Мухаммада Доста, Т. Мурада, Н. Эшонкула» (3, с. 48–49) (перевод наш. – С.К.).

Размышления о бренности и вечности мира, осознание конечности земного бытия, быстротечности человеческой жизни, стремление постичь смысл жизни и познать Истину реализуются с помощью модернизма. Конечно, модернизм как художественный метод в нашей литературе еще не успел сформироваться. Думается, правильнее говорить о поисках и экспериментах в духе модернистской практики письма. Мы имеем в виду те принципы, приемы и средства, которые не свойственны реалистической литературе и которые позволяют в новационной неспецифической форме выразить стремление писателей постичь быт и бытие современной действительности, а также попыткой создания или вымышленной модели жизни, или мифосюжетов с полифункциональной нагрузкой. Причем, узбекские литераторы не занимаются калькированием или транспозицией явлений западной литературы, а овладевают ими, базируясь на национальных традициях и законах внутреннего развития современного литературного процесса Узбекистана. Так, Н. Эшонкул в произведениях «Муолажа» («Излечение»), «Бевақт чалинган бонг» («Преждевременно прозвучавший набат»), «Истило» («Завоевание»), «Тобут» («Гроб») обращается к архетипам, образам-мотивам, образам-топосам, приему монтажа и соединению разных явлений, существующих в виде отдельных фрагментов, отражающих узбекскую ментальность и восточную психологию. О. Мухтар в романе «Майдон» («Площадь») использует «диалоговую игру» в качестве литературного приема и предмета изображения с использованием авторских метафор. Э. Аъзам в повести «Чапаклар ва чалпаклар мамлакати» («Страна аплодисментов и растяп») прибегает к условно-

фантастической форме, символам, метафорике, тяготеющей к жанру притчи. Х. Дустмухаммад в романе «Бозор» тяготеет к философствованию, к народной мудрости, множественности видов человеческого сознания. В романе «Исён ва итоат» («Бунт и смирение») У. Хамдама духовно-нравственные искания героя преломляются сквозь призму мифологемы о сотворении Богом первого человека и его грехопадении.

В произведениях с модернистскими тенденциями возникают мотивы утраты, горя, безысходности, страха, «мутации» психологии, трагедии, причем все художники слова озабочены поиском путей выхода из духовного кризиса и обретения надежды. Таким образом, модернистские новации в узбекской литературе направлены на исследование таких вопросов, как личность и бытие, жизнь и смерть, дух и тело, вера и отречение, что в свою очередь свидетельствует о синтезе суфийского мировоззрения, ислама с философией А. Шопенгауэра, М. Штирнера, С. Керкогора, Ф. Ницше, А. Бергсона.

Помимо этого, в литературе данного периода, как в реалистических произведениях, так и в текстах с модернистскими принципами изображения, преобладает форма повествования от первого лица, свидетельствующая об исповедальном и экспрессивном характере письма. На первый план выходят национальный и идейно-нравственный типы проблематики, породившие многочисленные системы взглядов на современную жизнь в целом и на узбекского человека в частности.

Также в этот период активизируется массовая литература (расцветают жанры приключенческой повести и любовного романа. Ярким примером являются сентиментальные произведения Набижона Хошимова, пользующиеся спросом на книжном рынке) и научная фантастика, пытающаяся не только заглянуть в будущее («Олис сайёра» («Далекая планета»), «Келгиндилар» («Пришельцы») Х. Шайхова; «Захарли ғубор» («Ядовитая пыль») Т. Малика и Б. Хошимхужаева), но и раскрыть тайны прошлого («Фалак» Т. Малика).

3. Период «верданди» (2000–2014 годы). Нынешнее состояние литературы характеризуется синтезом традиций узбекского классического письма, традиций реализма, модернистских и постмодернистских тенденций. То есть литературная ситуация такова, что все процессы и явления, когда-либо происходившие в истории узбекской литературы, активно воздействуют на литературное сегодня, а оно, обновляясь с учетом требований сегодняшнего дня, формирует будущее литературы. Данный период обусловлен следующими факторами: углублением демократических реформ и формированием гражданского общества в стране, культурной глобализацией, модернизацией и широким распространением Интернета.

В современном литературном процессе Узбекистана достаточно сильны позиции реализма. Об этом свидетельствуют добротные произведения А. Юлдашева «Банкир», «Пуанкаре», Х. Сатория «Соғинч» («Томление»), Зулфийи Мисбах «Сўфитурғай» («Хохлатый жаворонок»), Шодмона Отабека «Агар ошиқлигим айтсам» («Если рассказать о накипевшем») и другие, выполненные в данной манере письма и получившие общественный резонанс и высокую оценку среди критиков. Думается, что реализм как художественный метод и в дальнейшем будет одним из основных, тем более еще много средств и приемов этой практики письма необходимо освоить узбекским литераторам. Сделаем оговорку, что это, скорее всего, будет несколько обновленный реализм, так как поэтика жизнеподобия требует использовать современный инструментарий существующей действительности. Возможно, другая тенденция, установившаяся сегодня в узбекской литературе, будет предтечей рождения неореализма. Здесь имеется ввиду то явление, которое наблюдается в ряде сегодняшних произведений – это симбиоз реализма и модернистской техники. Так, Исажон Султан в философском романе «Боқий дарбадар» («Вечный странник»), написанном в традициях жанра антиутопии активно использует символику, приемы экспрессионизма и сюрреализма, обнажая проблемы сегодняшнего дня на основе типических ситуаций и типических характеров; Улугбек Хамдам в рассказах «Камень», «Река души моей» при помощи условности и знаков-символов, а также построения произведения на основе функциональных связей строит свою авторскую концепцию на бытовом материале; Хуршид Дустмухаммад, обладая богатым стилевым арсеналом, также работает на стыке реализма и модернизма.

С середины 2000 годов в узбекской литературе появляются произведения, тяготеющие к постмодернистской эстетике. Если говорить о постмодернизме в узбекской литературе, то хотелось бы оговориться, что эти явления, обладая национальными чертами и извечной «мантрой» в узбекской словесности – «дервишевством», с точки зрения поэтико-стилистической ориентации кардинально разнятся от постмодернизма в русской и западной литературе. Носителями этой линии в узбекской прозе являются произведения Р. Рахмата, А. Файха, Саломат Вафо, некоторые произведения У. Хамдама, И. Султана. Наряду с синтетическим характером текстов данных писателей наблюдается объединяющий их всех признак – стремление прозаиков не к парадоксальности, а к реальности. И еще один из положительных, на наш взгляд, признаков, который оправдывает тяготение современных литераторов к давно уже немодному в мировой литературе постмодернизму, – это манкирование чуть ли не главного его принципа – «изъятие из произведения личности автора».

В современной прозе Узбекистана можно выделить следующие признаки постмодернистской техники письма:

1. «Цитация» классических узбекских произведений.
2. Выведение на первый план душевного состояния героя, раскрытое приемом «шизоанализа» на основе аффектации.
3. Выстраивание кодов, где отражается философская позиция автора.
4. Восприятие мира как Хаоса.
5. Жанровые эксперименты.
6. Построение оригинальной модели Бытия.
7. Уход от современности и создание дискурса со «следами» прошлого.

Эти явления еще предстоит переосмыслить, однако можно констатировать, что узбекские писатели находятся в поиске, экспериментируют, расширяя арсенал средств и приемов письма. И скорее всего, здесь следует говорить о постмодернизме не как о методе, направлении или течении, а как о стиле.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гарипова Г. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI веков. - <http://ziyouz.uz/ru/literaturovedenie/49-literaturnaya-kritika/977>.
2. Каримов Х. Бугунги насрнинг хусусияти ва тамойиллари // Шарқ Юлдузи. – 2010, № 3. – С. 142–149.
3. Мирзаева С., Дониярова Ш. Истиклол даври адабиёти. – Т.: Akademnashr, 2011. – С. 48-49.
4. Солижонов Й. XXI аср насри манзалари: мавзу, муаммо ва ечим// Шарқ Юлдузи. – 2011, № 4. – Б. 147–157.
5. Хамдам У. Янги авлод овози (сухбат)// Шарқ Юлдузи. – 2013, № 1–5.